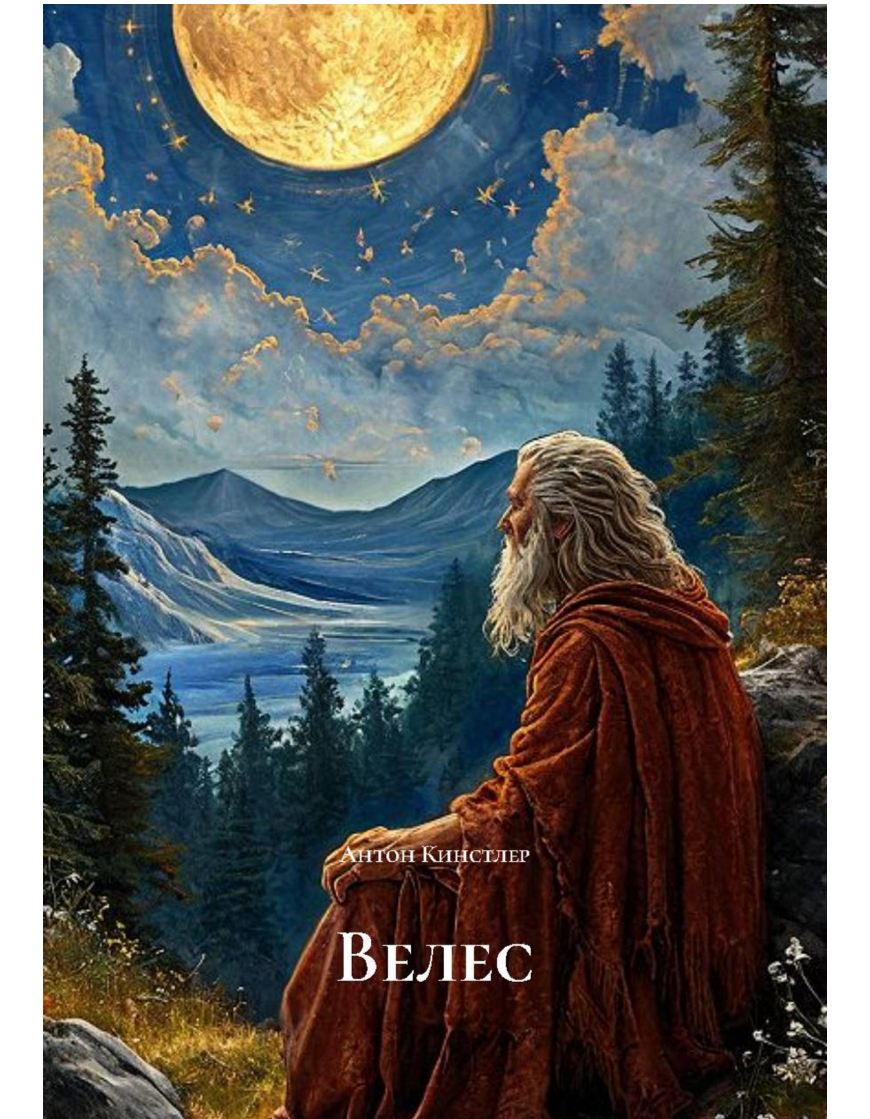

АНТОН КИНСТЛЕР

ВЕЛЕС

Антон Кинстлер

Велес

<https://litres.ru/74385379>

SelfPub; 2026

Аннотация

Этот текст родился не из вымысла, а из сна. Автор утверждает, что увидел его однажды ночью — целиком, от первого до последнего слова, — и проснулся с ощущением, будто ему явился сам Велес. Древний бог мудрости, скота, подземных вод и поэзии — тот, кто водит души между мирами, — продиктовал эту историю. Или, вернее, показал её как вещий сон.

Эта проза — как вечерний разговор с самим собой. Она не про события, а про состояние: тот особый, почти физический холод одиночества, когда ты сидишь в кругу близких и всё равно чувствуешь себя чужим. Когда смех вокруг звучит как музыка на непонятном языке, а собственная душа кажется тёмной комнатой, в которую давно не заглядывал свет.

Текст для тех, кто не боится медленной прозы. Для тех, кто готов вслушиваться в шёпот ветра, рассматривать падающий лепесток и чувствовать, как в этой почти остановившейся жизни вдруг проступает вечность.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Антон Кинстлер

Велес

Глава

На пепле только что отшумевшей ссоры уже распускался удивительный цветок веселья. Его нежные, но упрямые бутоны раскрывались на прекрасных лицах моей возлюбленной и моих друзей, озаряя их улыбками. Я же сидел поодаль, в тихом смущении, словно случайно забредший на праздник чужак, которому не дано понять языка этого сияющего круга.

Меня всегда поражала та безоглядная, почти стихийная сила, с какой люди отдаются потоку жизни. Эта сила порой навещала и меня — но лишь как редкий, застенчивый гость, с которым приятно скоротать вечер; большую же часть своего существования я взирал на всё происходящее словно откуда-то «из-под» — из сумеречной глубины, куда не достигают прямые лучи общего солнца.

Я вновь посмотрел на свою любимую: на пышную симфонию её наряда, на светлую дугу губ, на то, как естественно, подобно мелодии, вплетается она в хоровод голосов. Я не

мог разгадать собственного сердца. Но одно чувство проступало с мучительной ясностью — я был лишним. Даже сама ткань моей одежды, её упрямая чернота, её грубое, лишённое блеска плетение, казалась клеймом, подчёркивающим мою глухую, метафизическую несовместимость с этим вечером, с этой лёгкостью, с этой жизнью.

Воздух в доме сделался тесным и жарким, словно мы выдышали весь кислород, и я вышел в сад. Вечерело. Солнце растекалось по листве тягучим, прозрачным мёдом, а тёплый весенний воздух медленно, будто в полусне, бродил меж кустов, ещё полных нерастраченных ароматов. Эти запахи земли и распускающейся зелени пытались утишить моё смятённое сознание, говорили с ним на древнем, до-словесном языке.

Я опустился на самую дальнюю скамью, почти укрытую от дома, прямо напротив огромного цветущего дерева, и позволил мыслям течь сквозь меня. Несколько минут назад в наших разговорах пронеслась тень — слухи о близкой войне. Она, словно клинок, вновь рассекла наш круг надвое. Меня называли закоренелым идеалистом; я, раненный в самое уязвимое, бросил что-то грубое о кровожадности присутствующих. Потом нас попросили оставить эту тему, и все сделали вид, что ничего не случилось. Наш смех стал ещё звонче, но за ним уже зияла трещина.

Я смотрел на свои кулаки, безвольно лежащие на коленях. Мысли о моём бедном происхождении, о том, что я — неровня моим богатым, блестящим друзьям, о том, что и сад этот, в сущности, чужой, — всё это вновь наполнило голову старой, хорошо знакомой болью. Я чувствовал себя самозванцем, которого вот-вот разоблачат.

На тёмное сукно штанины упал белый лепесток. Я поднял взгляд.

Над мной стоял древний исполин. Его необъятная крона, вся в пене цветов, едва заметно колебалась, словно дерево дышало — глубоко, умиротворённо. Тысячи лепестков мерцали в крови умирающего солнца. Подул ветер, и ветви пустились в танец — безмолвный, строгий, полный смысла. Я, замороженный, принялся жадно ловить взглядом их движение, пытаюсь объять разом всю эту живую, струящуюся красоту. Но ветвей было так много, что воля зрения терялась в их множестве, и взгляд сам собою сосредоточился на одной-единственной пышной ветви, которая фрактально блистала среди прочих, словно нота в сложной симфонии.

Темнело. Но я видел теперь каждый лепесток с пугающей отчётливостью, и с каждой секундой всё яснее, всё ближе проступали сердцевины — маленькие золотые солнца, сияющие посреди совершенной белизны.

На один кратчайший миг я изумился этой нечеловече-

ской, пронзительной ясности зрения — но тут же изумление растворилось, сменившись покоем, и я увидел всё дерево разом в его единовременном движении, всего его необъятного естества. Бесконечное множество токов и трепетов замерло в одном-единственном миге, и в этой секундной вечности я перестал быть собою: я стал этим деревом.

Моя возлюбленная прошла мимо по одной из тропинок — под руку с другим, — но это не тронуло меня. Они не заметили меня, да и я уже не принадлежал ни им, ни тропинке, ни скамье, ни даже самому себе. Я смотрел в дерево всё глубже и глубже, ощущая бездонный покой — отсутствие всего при полном присутствии Всего.

Когда-то давно, в юности, я увлекался модными индийскими практиками, повторял мантры, пытаюсь достичь хотя бы отблеска чего-то подобного. Теперь же я сам становился уходящим, истаивающим шелестом изначального звука «ОМ». Я не слушал его — я был им.

Я испуганно вздрогнул и осмотрелся. Чувство внезапно покинуло меня. Оно было секундой, мгновением — но вместе с тем и бесконечностью. Я принялся вновь всматриваться в дерево, напрягая зрение до рези, но уже ничего не ощущал. Теперь оно было просто деревом — пусть великим, пусть прекрасным, но немым и замкнутым в себе. Беспокойство

нарастал во мне, подступало к горлу, и я уже готов был провалиться в глухое уныние. Я закрыл глаза и сидел так некоторое время, слушая собственную тьму. Затем открыл их, услышав лёгкий шелест позади.

Рядом со мною появился старик. Он выплыл откуда-то из-за спины, бесшумно, словно проступил из самого воздуха, и я — ещё полный послевкусия уходящей ноты вечной тишины — совсем не удивился его присутствию. Я посмотрел на старика. Лицо его было странным, будто смазанным, лишённым чётких черт, как незаконченный набросок, что глядит на тебя из глубины сна. Он выглядел бедно, почти убого, но в его облике проступало нечто одическое и исполинское: то самое спокойствие, та безмятежность, что я ощущал мгновением ранее, теперь, казалось, исходили от него — пусть тише, приглушённое, как свет далёкой лампы.

— Красивое дерево, правда? — произнёс он негромко, и голос его был под стать облику — мягкий, лишённый резких граней. — Весной оно особенно изящно, словно создано лишь для этой единственной поры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.